

Для цитирования: Лукин А. Н., Хайрулин Ш. Ш.
Философия войны: формирование
современного дискурса //
Социум и власть. 2022. № 3 (93). С. 25—36.
DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-25-36.
EDN WYLNEY.

УДК 331.101.38

EDN WYLNEY

DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-25-36

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ: ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ДИСКУРСА

Лукин Анатолий Николаевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при
Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры государственного управления,
правового обеспечения государственной
и муниципальной службы,
кандидат культурологии, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: anlukin@mail.ru

Хайрулин Шамиль Шамильевич,

Военный учебно-научный центр
военно-воздушных сил
«военно-воздушная академия имени профессора
Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина»,
Челябинский филиал
заведующий кафедрой военно-политической
работы в войсках (силах),
кандидат педагогических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: hairulin58@mail.ru

Аннотация:

Введение. Вооружённый конфликт между Россией и Украиной, которой оказывает всестороннюю поддержку так называемый коллективный Запад, поставил мир на грань глобальной войны. Столь масштабного военного противостояния в Европе не было со времён Второй мировой войны. В то же время непонятно, до какой степени оправдана эскалация конфликта, где та грань, за пределами которой уже ни одна из сторон не только не сможет достичь военно-политических целей, но ещё и возникнут катастрофические последствия континентального, а то и глобального масштаба. Неудивительно, что война как социальный феномен переместилась сейчас в эпицентр научного интереса самых разных научных дисциплин — от проведения узких военных анализов до философского обобщения. От экспертов ждут оценок, прогнозов, реалистичных практических рекомендаций для политических элит и всего мирового сообщества.

От экспертов ждут оценок, прогнозов, реалистичных практических рекомендаций для политических элит и всего мирового сообщества.

Цель. Дать характеристику основных философских традиций рассмотрения сущности войны. Показать особенности современного философского дискурса войны.

Методы. В рамках системного подхода мы рассматриваем войну как сложную, многоуровневую, открытую систему, которая находится в глубоком взаимодействии и взаимовлиянии с внешней средой (политической, экономической, социальной, идеологической, научно-технологической и т. д.). Мы использовали структурно-функциональный анализ, а также общенаучные методы: абстрагирование, сравнение, описание и объяснение.

Научная новизна. Дана характеристика философского дискурса войны, рассмотрены его основные варианты.

Результаты. Новые средства вооружённого насилия, а также способы и механизмы нанесения экономического, политического и психологического урона противнику вносят существенные изменения в содержание современных войн. В научной и популярной литературе всё шире используются понятия «информационная война», «психологическая война», «новая холодная война» «прокси-война», «кибер-война». Нами рассмотрено соотношение их содержания с содержанием базовой для философского учения о войне и армии категории «война». Философский дискурс о войне претерпевает неизбежные изменения. Это связано не только с развитием самого явления и отражающего его категориального аппарата, но и с уточнением границ дискурсивного поля — расширением областей понимания процессов, происходящих в военной, военно-политической, военно-экономической, военно-социальной и военно-идеологической сферах.

Выводы. Война как социальный феномен по-прежнему требует своего философского осмысления, прежде всего в связи с теми изменениями, которые происходят в военной и смежной с ней сферах. Философское наследие в этой области не должно быть при этом отброшено как преодолённое новым дискурсом, а развито с учётом современных экономических, политических, технологических и культурных реалий. В то же время сформировать универсальный философский дискурс о войне не представляется возможным. Это противоречило бы сути философии как сферы свободного поиска истины.

Ключевые слова:

война,
вооружённый конфликт,
вооружённое насилие,
армия,
философия войны

Введение

С появлением государственности война стала постоянным спутником человечества. По подсчетам ученых, за последние пятьдесят шесть веков произошло около 14 500 войн, в которых погибло более 3,5 млрд чел.¹ Нет сомнения в том, что военное противоборство существенным образом влияло и влияет на судьбы этносов, государств, элит и рядовых членов социума. В результате войн создавались и рушились империи, насаждалась система ценностей народов-победителей, расцветали и угасали цивилизации. Имена великих завоевателей, полководцев и легендарных воинов запечатлены в истории и искусстве. XXI век не стал исключением. Надежды на то, что глобальное общество, построенное на разумных началах, преодолет войны, пока явно не сбываются. Более того, наличие средств массового поражения у армий ведущих мировых держав, при возрастающей эскалации в политической, экономической и идеологической сфере, повышают вероятность тотальной катастрофы для человечества. Инструменты и механизмы сдерживания угрозы войны между ведущими ядерными державами теряют свою эффективность. Международные институты во главе с ООН, призванные предотвращать войны и урегулировать противоречия между странами, не справляются с возложенными на них функциями.

Новая ситуация в мире, стремительные изменения в военно-технической сфере, культурно-цивилизационные сдвиги с неизбежностью влияют на изменение представлений о войне, её целях, типах и последствиях. Меняется соотношение войны с экономикой, политикой, идеологией. Некоторые теоретические конструкции, используемые в философии войны, как, например, глобальная ядерная война или ядерная война на театре военных действий, не верифицированы. Возможно, результаты их верификации было бы просто некому анализировать. Это порождает плюрализм мнений по поводу самой возможности использования ядерного оружия в современной войне, например, в локализованном варианте. Впрочем, до конца не понятно, можно ли избежать перехода от ограниченной ядерной войны к войне глобальной.

В условиях нарастания экзистенциальной угрозы человечеству, исходящей от войн современной эпохи, от философов и учёных ждут оценки новых социальных

реалий, прогнозов и рекомендаций для властвующих элит и широких кругов мировой общественности. В то же время в лоне философии нет универсального дискурса войны. Поэтому выбор собственного взгляда на войну возможен лишь на основе анализа различных подходов к рассмотрению её сущности и содержания с учётом индивидуальных мировоззренческих установок. В любом варианте философского дискурса войны неизбежен синтез научного знания и веры как элементов сознания человека [18].

1. Оправдание и критика войн в истории философии

С древних времён многие философы находили оправдание войнам. Как заметил | А. И. Бродский, это объясняется высоким уровнем абстракции философской рефлексии, стремлением к выявлению всеобщих связей на уровне общества, природы, человечества [3]. Создавая философские системы, мыслители самых разных эпох абстрагировались от страданий конкретного человека на войне ради выявления закономерностей развития общества в целом. Были и такие авторы философских текстов, которые признавали войну злом для конкретных людей, но усматривали необходимость военных конфликтов для социума.

Ряд философов, как, например, Сунь Цзы, делали акцент на неизбежности войн. По мнению этого китайского мыслителя, война для государства — это почва для жизни и смерти, путь существования и гибели [26]. Схожа позиция греческого философа Гераклита, считавшего, что «война — отец всего и царь», так как одним она определила быть богами, другим — людьми. Одних она сделала рабами, других — свободными [8]. Оправдывали войны против варварского окружения Платон [21] и Аристотель [2], усматривая в них, кроме прочего, источник рабов, без которых на том уровне общественного производства, что был у древних греков, не было бы взлёта их культуры. Рабы обеспечивали условия жизни и творчества философов, архитекторов, ваятелей и драматургов, всех тех, кто оставил потомкам богатое культурное наследие. Что важно, Платон и Аристотель оправдывали войны против варваров и осуждали войны между эллинами. Эта идея, видоизменяясь, протянется через всю историю западной мысли, где есть чёткое различие войн между цивилизованными народами и войнами развитых стран с теми, кто не достиг этой стадии развития. Отсюда характерное

¹ Энциклопедия «Кругосвет». URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VONA.html>.

для философского дискурса Нового времени допущение войн за обладание колониями и последующей эксплуатации поработанных народов.

Будучи представителем английской политической элиты и даже занимая посты сначала лорда-хранителя Большой печати, а затем и лорда-канцлера Англии, Ф. Бэкон явился одним из первых идейных защитников колониальных войн [20]. Народ, заявлял он, не может развивать своего богатства иначе, как за счет другого народа [5]. Доведённая до крайности, эта мысль может легко трансформироваться в оправдание войн против представителей неполноценных рас и этносов, что, к сожалению, в просвещённой Европе не раз случалось на практике. В частности, социал-дарвинистское направление в философии оправдывало расизм, перенося на функционирование социума учение Дарвина о естественном отборе и борьбе за выживание (Д. Хайкрафт и Б. Кидд в Великобритании, Мэдисон Грант и Антон Шандор Лавей в США, Жорж де Лапуж во Франции, Людвиг Вольтман, Хьюстон Чемберлен и Отто Аммон в Германии, и др.) [22]. Постулаты мальтузианства и положения эвгеники обосновывали превосходство наследуемых качеств «избранных» народов и слоёв общества. Тезис Х. Чемберлена о противостоянии «арийской» и «семитской рас» как центральной идеи мировой истории пришёлся по вкусу идеологам нацизма. Воплощение на практике подобных философских идей дорого обошлось человечеству.

Г. Гегель усматривал пользу войн в том, что они отвлекают людей от их индивидуальных утилитарных устремлений в пользу достижения коллективного единства. Он считал, что война делает человека более нравственным, так как заставляет преодолевать эгоизм, возрастающий во время слишком длинного мира. «Война несёт в себе отрицание всяких изолирующихся сущностей прежде всего потому, что предъявляет им их главного и вечного господина — Смерть» [7, с. 241—242].

Самые разные религии мира в той или иной степени оправдывают войны. В древности для иудеев война рассматривалась как способ получить обетованные земли и отстоять их от соседних народов. Согласно Талмуду, иудеи должны были вести войну против хананеев, которые за их аморализм подлежат истреблению. В противном случае, хананеи могут развратить иудеев. В отношении других народов войны должны вестись с моральными ограничениями.

В частности, осаждённому городу нужно предложить мир при условии выплаты дани. В случае отказа, мужчины уничтожаются, а женщины и дети берутся в плен [25].

Для ислама война — это способ распространения этой религии среди других народов. Во время широкомасштабных исламских завоеваний доктрина джихада широко использовалась для оправдания войн против «неверных». Однако в наши дни, большинство мусульманских богословов учат своих последователей тому, что джихад объявляется лишь в целях защиты исламского мира от агрессии. Впрочем, в радикальных течениях ислама по-прежнему есть призывы к тотальной войне против неверных [15]. Таким образом, как и любая другая религия, ислам может быть использован как для обоснования необходимости стремления к миру, так и для оправдания войн с иноверцами.

Сложен для понимания дискурс войны в буддизме. Для буддиста, война — это ситуация напряжённого выбора. Если буддистский монах не имеет права отнять жизнь не только у человека, но и у любого другого живого существа, то мирянин, следуя общественным обетам, вынужден защищать семью и общество, в том числе участвуя в войне. При этом он должен проявлять сострадание к врагу. Если противника приходится убивать, то только в ситуации, когда это абсолютно неизбежно для сохранения твоей жизни. Ну, или в ситуации, когда вред от убийства будет меньше, чем зло, которое может причинить враг. Действовать нужно с чувством глубокой скорби в отношении врагов и вообще в отношении ситуации войны. Важно, по буддистскому учению, минимизировать повреждение своей кармы. Очень сложно совсем не нанести ей ущерб, лишая других жизни, пусть даже следуя общественному долгу [27].

С точки зрения христианской философии, война — продукт божественного предопределения. Согласно христианскому дискурсу, от Бога исходит и истинная справедливость войны, которая должна вестись во имя веры, во имя христианства. Отпадение от Бога, по мнению Августина Блаженного, испортило природу человека. Грехи — гордость, заносчивость, своеволие, алчность и злобность — настраивают человека против ближнего своего. Это приводит к войнам, которые неизбежно будут возникать до окончания века. Для достижения мира нужна справедливая власть, которая, по Августину, заключается в поддержании внутреннего мира, т. е. порядка и согласия,

на всех уровнях социальных отношений, начиная от человеческого семьи и вплоть до государств и межгосударственных союзов, наконец, — вплоть до всего человечества. Это идеал, к которому нужно стремиться. Тот, кто следует идеалу, тот спасает свою душу, кто противится ему, тот обрекает себя на муки ада. Для Августина очевидно, что справедливая власть строит отношения на христианских принципах, а мирные соглашения между народами несравненно предпочтительнее даже справедливой войны против агрессора в защиту своего отечества и христианской веры [1].

Русский философ-идеалист В. Соловьёв, хотя и считал войны злом для каждого отдельного человека, но полагал, что они всё же необходимы для общества, так как войны ведут к оживлению экономики, а для настоящего человека война — это проверка его нравственных качеств, кроме того, войны объединяют воюющие народы перед лицом врага [24]. В. Соловьёв, на наш взгляд, ошибочно считал, что развитие военного дела приведет к уменьшению количества жертв войны. Видимо, ему было трудно представить то, что уже вскоре появится оружие, способное в считанные мгновения уничтожить сотни тысяч людей.

С. Булгаков, будучи религиозным мыслителем, видел в войнах божественное предопределение. Страдания людей на войне — это трагедия, но вся человеческая жизнь после грехопадения Адама трагична по своей сути. В то же время на войне для христианина есть дополнительная возможность для самопожертвования ради ближних, в чем есть сходство, по мнению русского мыслителя, с кенозисом — самопожертвованием Бога ради спасения человеческого рода [4].

Ф. М. Достоевский был убежден, что европейские войны порождены европейскими ценностями, так как сущность Европы — не человек, а материальная выгода. Следствие всего этого — хищничество, возведенное в принцип. Христианская православная Россия, по Достоевскому, иная страна — она надежда народов на будущий порядок без войн. В то же время, русский литературный классик был убежден в том, что война облагораживает людей, так как человеколюбие более всего развивается лишь на поле битвы. Лучшие произведения искусства обращаются к военной тематике. Именно на грани жизни и смерти человек в полной мере способен раскрыть свои сущностные силы, всё богатство своей души [11]. Соглашаясь с Ф. М. Достоевским в этом, отметим, тем не менее, что война иногда, напротив, при-

водит человека к нравственному падению, проявлениям крайней жестокости, трусости, цинизма и лицемерия. В этом смысле война амбивалентна. Полагаем, что соотношение войны и нравственности невозможно определить однозначно.

Наряду с оправданием войн, в истории философии присутствует чётко выраженный нарратив¹ их осуждения. Конфуций считал войны моральной болезнью человечества (оправданы, по его мнению, только оборонительные войны), а Гаутама одной из форм страдания людей. Поисками путей к вечному миру были заняты М. Монтень, Б. Паскаль, Ж.-Ж. Руссо (он верил в возможность соединения в единый союз всех европейских государств, в том числе и России), Л. Н. Толстой, Э. Арно, М. Л. Кинг и многие другие мыслители. Однако все эти проекты оказались утопичными, что не перечёркивает результаты усилий их авторов, а, скорее, стимулирует потомков постараться завершить начатое ими дело. Впрочем, в прошлом веке в Индии, М. Ганди, один из теоретиков не сопротивления злу насилием, возглавил мирные формы борьбы с английским колониальным режимом, что привело к национальной независимости. Но вряд ли этот опыт следует считать универсальным. Этот путь был возможен только в конкретном месте и в конкретное время. Тем не менее он, безусловно, исторически ценен.

Впрочем, стремление к вечному миру не исключает войну, как средство его установления. Так, И. Кант считал, что можно навсегда установить мир, только навязав народам единые формально-юридические нормы, регулирующие отношения между народами по аналогии с внутригосударственными правовыми нормами. Конечно, добровольно многие государства с этим не согласятся. Получается, что сделать это можно только путём вооружённого насилия, т. е. посредством войны [13]. В какой-то мере, современное стремление установить мир, основанный на правилах, предложенных западными элитами, — это попытка реализовать в современных условиях кантовский проект. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что такой порядок проще всего установить в однополярном мире с единственным мировым центром принятия решений. Такая возможность казалась реальной в 90-е годы прошлого века, когда разрушился Советский Союз, а элиты стран Восточной

¹ Здесь и далее под нарративом мы понимаем исторически и культурно обоснованную интерпретацию некоторого аспекта мира с определенной позицией.

Европы сразу приняли систему ценностей западного мира. Да и новая российская элита в идеале видела свою страну частью объединённого Запада. Схожие процессы происходили во всех странах постсоветского пространства. Такую ситуацию американский философ Ф. Фукуяма провозгласил «концом истории», так как, по его мнению, происходит триумфальная экспансия ценностей либеральных демократий во всём мире, что может интерпретироваться как финал социокультурной эволюции человечества. Теперь, по Фукуяме, нет необходимости кровавых противостояний ради достижения социального превосходства и престижа, так как повсеместно доминирует идея всеобщего равенства [29]. Время показало несостоятельность подобных выводов. В-первых, согласно принципам диалектики, в мире нет ничего застывшего, неизменного. Во-вторых, войны порождают комплексом причин. Даже устранив на время одни из них, мы не убираем многие другие. На наш взгляд, достижение «вечного мира» в принципе невозможно в связи с неравномерностью социально-экономического развития стран и регионов, на которое указывал В. И. Ленин [16]. Неизбежна периодическая смена лидеров экономического и социального развития в мире, а, следовательно, несогласие бурно развивающихся стран с правилами, установленными их политическими и экономическими конкурентами, которые при этом утрачивают свои былые ведущие позиции. В этом В. И. Ленин как раз и видел основную причину войн. Равно как и изменение положения классов в системе общественного производства в связи с развитием производительных сил, по мнению теоретика социальной революции, неизбежно ведёт к классовой борьбе, революциям и гражданским войнам. При таком подходе причины войн следует искать в социально-политической и экономической сфере. Отметим, что и до В. И. Ленина философы неоднократно указывали на существенную связь войны и политики. Глубоко эта связь, в частности, раскрыта у прусского военного мыслителя К. фон Клаузевица, который отмечал, что политическая цель определяет мотивы войны и определяют объём прилагаемых усилий [14]. Однако у Клаузевица война подчинена внешней политике, а Ленин, кроме этого, рассматривает и внутреннюю политику государства в качестве возможной причины войны, а также важного фактора, влияющего на её ход и исход.

В истории философии были попытки увидеть причину войн в самой сущности

человека. Так, по Т. Гоббсу, соперничество заставляет людей нападать на других ради наживы, недоверие — из соображений безопасности, а жажда славы из соображений чести [9]. Эти личные характеристики человека присущи, по мнению англичанина, и социуму, так как от его имени решение принимает правитель. При таком подходе, причины войн всегда субъективны, так как во многом случайно, в какой степени конкретный монарх или вождь подвержен алчности, жажде славы или недоверчивости к соседям. Схожую позицию отстаивали многие другие мыслители. Так, основу для возникновения войн в эмоциях и воле отдельных людей видели А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Н. Бердяев и другие философы.

З. Фрейд видел причину войн в психике человека, где, по данным его исследований, в сфере подсознания господствуют сексуальный инстинкт и инстинкт разрушения. В письме А. Эйнштейну он пишет о тяге человека к уничтожению других: «Это влечение с полной серьёзностью заслуживает названия влечения к смерти, тогда как эротические влечения представляют собой стремление к жизни. Влечение к смерти становится разрушительным влечением, когда оно с помощью особых органов обращается наружу, против объектов. Живое существо, если можно так выразиться, сохраняет свою жизнь тем, что разрушает чужую» [28]. При этом Эрос и Танатос (названия инстинктов у З. Фрейда) не влияют на поведение человека раздельно, они неразрывны. Так, по З. Фрейду, воин на войне убивает неприятеля одновременно из чувства любви к Родине и из жажды смерти врагу. В конкретном поступке индивида часто проявляется и сексуальность, и враждебность одновременно.

Таким образом, историко-философский экскурс свидетельствует о том, что возникновение войн — это следствие сложного взаимодействия множества различных политических, экономических, социальных, этнических и других причин и факторов. Они могут накладываться друг на друга, усиливая вероятность возникновения войны, или, напротив, нивелировать действие друг друга. При этом наличие одних причин и факторов войны не приводит к её развязыванию, из-за других факторов. Например, в современных условиях наличие ядерного оружия у сильнейших государств делает невозможным достижение политических и экономических целей в прямом вооружённом столкновении друг против друга, так как это приведёт к взаимному уничтожению. Этот мощный фактор существенным

образом снижает вероятность возникновения войны между Россией и США, Россией и НАТО, США и Китаем, несмотря на острейшие противоречия в экономической, идеологической и политической сферах между этими странами. Одновременно с этим, у политических элит возникает стремление нанести урон противнику какими-либо другими средствами, которые могут приближаться по своим возможностям к методам вооружённой борьбы. Так возникают концепции информационной войны, прокси-войны, кибер-войны, гибридной войны и пр.

2. Соотношение содержания основных понятий, используемых в современном философском дискурсе войны

В наши дни термин «война» используется в самых разных лингвистических конструкциях и смыслах: «информационная война», «психологическая война», «гибридная война», «прокси-война», «кибер-война», «новая холодная война» и т. д. Для философии важно определить с тем, как содержание этих понятий соотносится с содержанием центральной для философского учения о войне и армии категории «война».

Классическое философское понимание войны рассматривает её как конфликт между политическими образованиями — государствами, коалициями государств, политическими группировками (как междунациональными, так и внутренними в случае гражданской войны) и так далее, — происходящий на почве различных претензий, в форме вооружённого противоборства, военных (боевых) действий между их вооружёнными силами.

Без боевых действий между вооружёнными силами войны нет. Это её атрибут. Тогда, добавляя слово «война» к прилагательным «информационная», «психологическая», «кибернетическая», «гибридная» и пр., мы указываем на крайнюю степень эскалации противоборства в указанной сфере с намерением и возможностью причинения максимального вреда противнику, сопоставимого с ущербом от войны в традиционном понимании этого слова, и достижении победы над ним. Но, по сути, все эти виды конфликтов — это всё таки не война, так как отсутствует один из её существенных признаков.

Это не означает, что, например, понятие «информационная война» имеет пустое содержание. Просто формально логически — это не вид войны, а иной вид социального

конфликта, который может вестись либо без развязывания войны с применением вооружённого насилия, либо может стать элементом такой войны, подчинённым её целям. Информационное воздействие и вооружённая борьба обеспечивают синергетический эффект при их комплексном использовании.

Во все времена в противостоянии государств информация использовалась, для мобилизации своего населения на борьбу, привлечения союзников, введения противника в заблуждение относительно своих намерений и т. д. Неслучайно, Сунь Цзы называл войну искусством обмана [26]. Но в наши дни, в связи с развитием коммуникационных технологий, информационное воздействие на массовое сознание становится на много более интенсивным и масштабным. Информационный ресурс становится серьёзным средством в распоряжении политиков, которым пользуются для достижения ключевых политических, военных и экономических целей. Новые реалии обусловили использование понятия «информационная война». Слово «война» обеспечивает появление коннотаций, обеспечивающих понимание информационного противоборства как крайне острого и разрушительного, с возможными радикальными для противника последствиями, вплоть до разрушения государственности. Теоретическое осмысление феномена информационной войны актуально и в силу того, что Россия сейчас стала объектом мощных информационных атак со стороны стран коллективного Запада, к которым она оказалась не вполне готова. Границы информационного противоборства здесь чётко не очерчены, и часто сложно определить место положения атакующего тебя противника.

Специальными службами государств проводятся широкомасштабные «военно-информационные» операции, как, например, инсценировка химического отравления Скрипалей в пригороде Лондона, крушение малазийского «Боинга» на Украине, массовая гибель мирного населения в украинском городе Буче и т. п. Это было использовано для последующего введения экономических санкций, дипломатического и психологического давления на Россию.

Технологические новшества, внедрённые в практику информационного воздействия на противника в 2014—2015 гг., обусловили процесс интеграции различных невоенных форм силового причинения ущерба противнику. Это новое образование получило название «гибридная война» (термин придуман Ф. Хоффманом в

ещё 2007 году). Гибридная война предусматривает сочетание различных способов поражения противника — информационного, дипломатического, экономического. Одновременно могут проводиться диверсионно-подрывные операции, примером которых могут служить так называемые «цветные революции» [19]. Гибридная война, развязанная странами объединённого Запада против современной России, может быть растянута по времени на долгие годы. Этот феномен всё чаще в научной литературе стали называть новой холодной войной, по аналогии с холодной войной второй половины прошлого века.

Информационные войны не предусматривают каких-либо нравственных ограничений. Они часто используют заведомую ложь для достижения цели. Кроме того, они подразумевают психологическое давление на противника, причинение ему морального вреда, подавление воли к сопротивлению, разобщение народов, подрыв доверия к политическому руководству страны. Результатом информационных войн может быть разрушение государств, глубокий социально-политический кризис в стране, ставшей объектом информационной агрессии, хаотизация общественных отношений, вспышки насилия внутри социума.

Часто вместо термина «информационная война» используют понятие «психологическая война». Хотя приёмы и технологии психологического воздействия для причинения урона противнику применялись издревле, психологическая война в её актуальном значении ведётся с XX века, когда появились специальные структуры для оказания психологического воздействия на гражданское население и армию противника [10]. Эта деятельность ведётся целенаправленно, с учётом достижений научной мысли в сфере психологии, а также результатов прикладных исследований воздействия на психику личности и массовое общественное сознание средствами пропаганды, нейролингвистического программирования и т. п. Всё большее применение получают технологии воздействия на индивидуальное и коллективное бессознательное. По сути, психологическая война является информационной и, наоборот, всякая информационная война оказывает психологическое воздействие на противника. Эвристически оправданным, на наш взгляд, будет различение этих феноменов по субъекту воздействия на противника. Психологические войны ведутся профессионалами — специальными структурами государства (это могут быть штат-

ные подразделения армии или какие-либо другие организации). В информационной войне задействованы и те структуры, для которых эта функция не основная, например, СМИ. Тогда в общей информационной войне психологическая война является её составляющей частью.

Кибер-война — это вид информационной войны, интегрировано использующий информацию, компьютеры и коммуникативные сети. Противоборство между противниками разворачивается в киберпространстве. В результате у неприятеля могут быть выведены из строя системы управления, парализована работа предприятий оборонного и гражданского сектора, выведены из строя системы обеспечения безопасности ядерных объектов и т. п.

Не имея возможности напрямую вступить в войну против своего экономического и политического противника из-за угрозы её перерастания в мировую ядерную войну, ведущие мировые державы могут организовать прокси-войну. В этом случае противник ведёт войну с какой-либо третьей страной, которой заинтересованными державами оказывается помощь оружием, разведывательной информацией, финансовыми средствами, политической поддержкой, военными инструкторами, вооружёнными формированиями частных военных компаний и т. п. Подобным примером прокси-войны США и НАТО против России может быть вооружённый конфликт на Украине, начавшийся 24 февраля 2022 года.

Вооружённый конфликт между Россией и Украиной является войной, так как в нём используются вооружённые силы этих стран для ведения вооружённой борьбы между собой. При этом США и другие страны не задействованы напрямую своими вооружёнными силами в этом конфликте, поэтому формально не ведут войну против России, хотя и оказывают всестороннюю помощь одной из сторон конфликта — Украине, преследуя свои собственные политические и экономические цели. Таким образом, прокси-война для её бенефициаров не является войной, в которую они вовлечены напрямую. За их интересы воюют другие страны, чьи вооружённые силы непосредственно ведут вооружённую борьбу с противником.

Немалые методологические сложности, на наш взгляд, возникают при разведении содержания понятий «война» и «вооружённый конфликт». Например, в российских официальных источниках участие нашей страны в вооружённом конфликте на Украине называют «специальной военной

операций». В качестве критерия различия используют политико-правовую традицию, а, точнее, принятое ещё в советское время положение о том, что война предполагает переключение народного хозяйства с мирного на военное время, создание специальных военных органов управления, объявление общей или частичной мобилизации, введение военного положения на территории страны. Нам кажется, что эти изменения не являются необходимыми для воюющей страны. Ведь ничего подобного не делали США при ведении войны во Вьетнаме, в Ираке и др. случаях. Войны за обладание колониями в Новое время тоже не предусматривали подобных мер для метрополий. При таком подходе, многие войны в мировой истории перестанут быть таковыми для части стран-участниц.

В то же время, нельзя оспаривать тот факт, что любая война является вооружённым конфликтом, хотя обратное — неверно. Спонтанный пограничный вооружённый конфликт, возникший на какой-либо границе, но при этом быстро прекращённый средствами дипломатии — это явно не война. Только масштабный вооружённый конфликт является войной. Граница перехода размыта. Так, масштаб вооружённого конфликта определяется одновременно его территориальной локализацией, временем протекания и уровнем эскалации — степенью вовлечения средств вооружённой борьбы и их качеством, потерями, разрушениями, экономическими, экологическими и политическими последствиями. Только анализ сочетания системы этих факторов позволяет сделать вывод о том, является ли конкретный вооружённый конфликт войной или нет. Уровень потерь с обеих сторон, степень разрушений, решительность преследуемых целей позволяют нам утверждать, что вооружённый конфликт на Украине для России является войной несмотря на то, что в ней не задействованы все имеющиеся в распоряжении российского государства ресурсы. Тем более, что большинство экспертов сходятся во мнении, что этот конфликт для России будет иметь экзистенциальные последствия.

В философском дискурсе войны важно соотношение базовых категорий «война» и «мир». Если в древние времена мир рассматривался как промежуток между войнами, который необходимо эффективно использовать для подготовки к грядущим боевым действиям, то в наши дни появились страны, которые на протяжении многих десятилетий в войнах не участвуют и

серьёзных армий для их ведения не имеют. Как, например, Швейцария. Большинство европейских стран со времени окончания Второй мировой войны не вели войн на своей территории. Наличие ядерного оружия делает нецелесообразным прямое военное столкновение между державами, таким оружием обладающим. Это не исключает между ними острого соперничества, при котором мирное время может рассматриваться как состояние отношений между различными политическими субъектами, использующими невооружённые средства для разрешения имеющихся между ними противоречий.

Идея вечного мира, однажды возникнув в философском дискурсе, пусть и в более реалистичном варианте «прочного мира», или «позитивного мира» присутствует у многих современных мыслителей. Интересен подход норвежского философа Й. Галтунга, различающего мир как простое прекращение насилия и позитивный мир как результат создания системы механизмов и структур, при которых вероятность военных конфликтов минимальна, а даже если они возникают, то разрешаются на самой ранней стадии [6]. Другой современный философ, англичанин О. Ричмонд различает мир победителя как следствие военной победы, который рушится при ослаблении победителя и росте сил побеждённого и институциональный мир, основанный на функционировании ООН, СБСЕ, и др. международных организаций, положениях международных конвенций и т. п. [30]. Позитивный мир в понимании Й. Галтунга похож по своим характеристикам на институциональный мир О. Ричмонда. Многие другие эксперты возлагают надежды на международные институты и организации для достижения прочного мира. Однако, при всей их заметной роли в снижении уровня вооружённого насилия в мире, отметим, что сами международные институты и организации всё чаще используются ведущими державами, прежде всего США, для ведения информационных войн против своих противников. На них оказывается воздействие путём подкупа, шантажа, формирования лояльного кадрового состава и пр. Проблема обеспечения независимости и объективности деятельности международных институтов и организаций, направленных на поддержание мира, на наш взгляд, требует своего скорейшего решения.

Ряд понятий появились в философском дискурсе войны в результате классификации войн. Например, по нравственному критерию различают справедливые и несправедливые войны. Этот критерий

самый неоднозначный, так как в идеале нравственный человек не причинит зла другим людям, но насилие на войне неизбежно. Тогда справедливой может считаться война, как ответ на зло со стороны врага, защита своих святынь, земли, идеалов. Но идеалы у людей бывают разные [17]. Они зависят от религиозной, классовой, этнической принадлежности, конкретной социокультурной среды, особенностей воспитания и пр. Поэтому каждый оценивает войну, исходя из той иерархии ценностей, которую он признаёт. Неудивительно, что военные действия между Россией и Украиной оцениваются по-разному в России, на Украине, в странах коллективного Запада, в Китае, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и т. д. Даже внутри одной страны не удаётся достичь полного консенсуса по поводу оценки справедливости конкретной войны. Сложно вывести абсолютный критерий справедливости войны, так как невозможно представить себе человечество, разделяющее одни и те же ценности при универсальной их субординации.

Куда более объективным может быть классификация войн по критерию, объединяющему в себе масштаб боевых действий и тип используемых вооружений. Например, военные эксперты различают стратегическую ядерную войну, ограниченную ядерную войну на театре военных действий, обычную войну на театре военных действий (без применения ядерного оружия) и войну на ограниченном участке театра военных действий.

В современном философском дискурсе войны различают и по другим основаниям. Например, по количеству участников различают мировые войны, войны между коалициями государств и войны между двумя странами. Также различают войны с внешним противником и гражданские войны.

Заключение

Эволюция взглядов на войну обусловлена прежде всего появлением новых типов вооружений, применение которых ставит под сомнение возможность достижения политических, экономических и идеологических целей в войне между военными сверхдержавами. Это приводит к использованию иных технологий разрешения межгосударственных противоречий, возможности которых постепенно приближаются к средствам вооружённой борьбы. Внедрение результатов научных исследований в сфере цифровых технологий, искусственного интеллекта, управления массовым сознанием

и пр. позволяет наносить врагу ощутимый урон в ходе ведения гибридной, информационной или кибер-войны, которые не являются видами войны, так как не используют присущей войне вооружённой борьбы армий. Они могут использоваться самостоятельно или в сочетании с вооружённым насилием. В арсенале политических элит есть ещё прокси-война, в ходе которой боевые действия ведёт армия какой-либо страны, которой помогают экономически, технически, информационно другие страны ради достижения своих собственных целей.

Нам представляется, что в ближайшее время не будет выработан универсальный философский дискурс войны, так как война — это сложный феномен, который тесно связан со всеми сферами жизни общества. Кроме того, оценка характера войны производится с позиции системы ценностей той или иной философской традиции. Следуют в полной мере учитывать высокий уровень динамики в военной сфере. Всё это приводит к тому, что философские дискуссии о войнах современной эпохи не прекратятся. А каждому из нас предстоит самоопределяться по этой проблематике после критического анализа предложенных философами концептов.

Статья поступила в редакцию 04.07.2022

1. Августин Блаженный. О граде Божием. Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. 1296 с.

2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 375—644.

3. Бродский А. И. Неизвестный солдат: философская апология войны и ее истоки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35, вып. 4. С. 551—562.

4. Булгаков С. Н. Размышления о войне // С. Н. Булгаков. Философия имени. Икона и иконопочитание. Т. 2. М. ; СПб. : Искусство : Инапресс, 1999. С. 343—377.

5. Бэкон Ф. О колониях // Ф. Бэкон. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1978. С. 427—429.

6. Галтунг Й. Йохан — гражданин мира. По пути к миру через земной шар. М. : Прогресс : Традиция, 2004. 336 с.

7. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа // Г. В. Ф. Гегель. Сочинения : в 14 т. Т. 4. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1959. 488 с.

8. Гераклит Эфесский. Всё наследие. М. : Ad Marginem, 2012. 416 с.

9. Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001. 478 с.

10. Гуторович О. В., Гуторович В. Н. Психологическая война и морально-психологическая подготовка военнослужащих: онтологический аспект // Труды Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского. 2017. № 656. С. 208—217.

11. Достоевский Ф. М. Дневник писателя (1873). М. : АСТ, 2020. 256 с.

12. Евплова Е. В. Новая философия войны: экономические войны / Е. В. Евплова, А. И. Тюнин, С. С. Демцура, В. Р. Якупов, А. С. Апухтин // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 369—371.

13. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // И. Кант. Сочинения : в 6 т. Т. 6. М. : Мысль, 1966. С. 423—435.

14. Клаузевиц К. фон. Принципы ведения войны. М. : Центрополиграф, 2009. 220 с.

15. Кунг Ханс. Религия, насилие и «священные войны» // Международный журнал Красного Креста. Т. 87, № 858. Июнь 2005. URL: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-11/471.pdf>.

16. Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 30. М. : Политическая литература, 1973. С. 77—85.

17. Лукин А. Н. Онтология ценностей // Социум и власть. 2011. № 3 (31). С. 104—108.

18. Лукин А. Н., Домрачев С. С. Вера как элемент сознания человека // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 15—22.

19. Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность (I) // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1. С. 100—132.

20. Мархинин В. В. Проблема войны в политической философии Ф. Бэкона // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 2-1. С. 21—43.

21. Платон. Диалоги. М. : Мысль, 1986. 607 с.

22. Разувалова А. «Философия социал-дарвинизма... Она не устарела»: консервативная критика либерального «социал-дарвинизма» (2000-е годы) // Статис. 2020. Т. 10, № 2. С. 102—155.

23. Сирота Н. М., Мохоров Г. А. Философия «холодной войны»: уроки для современности // Актуальные проблемы науки и практики. 2017. № 2 (007). С. 6—11.

24. Соловьёв В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. Три свидания. М. : Карамзин, 2018. 186 с.

25. Норман С. Иудаизм и этика войны // Международный журнал Красного Креста.

Т. 87, № 858. Июнь 2005 / Норман Соломон. URL: <https://international-review.icrc.org/fr/articles/le-judaisme-et-lethique-de-la-guerre>.

26. Сунь-цзы Трактат о военном искусстве. М. : Попурри, 2015. 140 с.

27. Уланов М. С. Религиозно-философский взгляд буддизма на проблему войны и мира // Вестник Калмыцкого университета. 2015. № 4 (28). С. 53—58.

28. Фрейд З. Неизбежна ли война? Письмо А. Эйнштейну. Вена. Сентябрь 1932 года. URL: <https://monocler.ru/neizbezhna-li-voyna>.

29. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2015. 576 с.

30. Richmond O. The Dilemmas of a Hybrid Peace: Negative or Positive? URL: <https://doi.org/10.1177/0010836714537053>.

References

1. Avgustin Blazhenny (2000) O grade Bozhijem. Minsk, Kharvest, Moscow, АСТ, 1296 p. [in Rus].

2. Aristotel' (1983) Politika. *Aristotel'. Sichineniya*. Vol. 4. Moscow, Mysl', pp. 375—644 [in Rus].

3. Brodskiy A.I. (2019) Neizvestnyy soldat: filosofskaya apologiya voyny i yeye istoki. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. vol. 35, iss. pp. 551—562 [in Rus].

4. Bulgakov S.N. (1999) Razmyshleniya o voyne. *Bulgakov S.N. Filosofiya imeni. Ikona i ikonopochitaniye*. Vol. 2. Moscow, St. Petersburg, Iskustvo, Inapress. pp. 343—377 [in Rus].

5. Bekon F. (1978) O koloniyakh // Bekon F. *Sochineniya: v 2 t.* Moscow; Mysl', vol. 2, pp. 427—429 [in Rus].

6. Galtung Y. (2004) Yokhan — grazhdanin mira. Po puti k miru cherez zemnoy shar. Moscow, Progress, Traditsiya, 336 p. [in Rus].

7. Geigel' G.V.F. (1959) Fenomenologiya dukha. *Geigel' G.V.F. Sochineniya*. Vol. 4. Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury. 488 p. [in Rus].

8. Geraklit Efesskiy (2012) Vso naslediye. Moscow, Ad Marginem, 416 p. [in Rus].

9. Gobbs T. (2001) *Leviafan*. Moscow, Mysl'. 478 p. [in Rus].

10. Gutorovich O.V., Gutorovich V.N. (2017) *Psikhologicheskaya voyna i moral'no-psikhologicheskaya podgotovka voyennosluzhashchikh: ontologicheskiy aspekt. Trudy Voyenno-kosmicheskoy akademii imeni A.F.Mozhayskogo*. no. 656. pp. 208—217. [in Rus].

11. Dostoyevskiy F.M. (2020) *Dnevnik pisatelya (1873)*. Moscow, AST. 256 p. [in Rus].

12. Yevplova Ye.V., Tyunin A.I., Demtsura S.S., Yakupov V.R., Apukhtin A.S. (2018)

Novaya filosofiya voyny: ekonomicheskiye voyny. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye*, vol. 7, no. 4 (25), pp. 369—371 [in Rus].

13. Kant I. (1966) Ideya vseobshchey istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane. *Kant I. Sochineniya*. Vol. 6. Moscow, Mysl', pp. 423—435 [in Rus].

14. Klauzevits K. fon. (2009) Printsipy vedeniya voyny. Moscow, ZAO Tsentropoligraf, 220 p. [in Rus].

15. Kung Khans (2005) Religiya, nasiliye i «svyashchennyye voyny» *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo kresta*, vol. 87, no. 858. Available at: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2020-11/471.pdf> [in Rus].

16. Platon (1986) Dialogi. Moscow, Mysl'. 607 p. [in Rus].

17. Lukin A.N. (2011) Ontologiya tsennostey. *Sotsium i vlast'*, no. 3 (31), pp. 104—108 [in Rus].

18. Lukin A.N., Domrachev S.S. (2018). Vera kak element soznaniya cheloveka. *Sotsium i vlast'*, no. 3 (71), pp. 15—22 [in Rus].

19. Manoylo A.V. (2021) Informatsionnaya voyna i novaya politicheskaya real'nost' (I). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, no. 1, pp. 100—132 [in Rus].

20. Lenin V.I. (1973) O karikature na marksizm i ob «imperialisticheskom ekonomizme». *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moscow, Politicheskaya literatura, vol. 30, pp. 77—85 [in Rus].

21. Markhinin V.V. (2022) Problema voyny v politicheskoy filosofii F. Bekona. *Idey i idealy*. vol. 14, no. 2-1, pp. 21—43 [in Rus].

22. Razuvalova A. (2020) «Filosofiya sotsial-darvinizma... Ona ne ustarela»: konservativnaya kritika liberal'nogo «sotsial-darvinizma» (2000-e gody). *Stasis*, vol. 10, no. 2, pp. 102—155 [in Rus].

23. Sirota N.M., Mokhorov G.A. (2017) Filosofiya «kholodnoy voyny»: uroki dlya sovremennosti. *Aktual'nyye problemy nauki i praktiki*, no. 2 (007), pp. 6—11 [in Rus].

24. Solov'yov V.S. (2018) Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирnoy istorii. Tri svidaniya. Moscow, Karamzin, 186 p. [in Rus].

25. Solomon Norman (2005) Iudaizm i etika voyny. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo kresta*, vol. 87, no. 858. Available at: <https://international-review.icrc.org/fr/articles/le-judaisme-et-lethique-de-la-guerre> [in Rus].

26. Sun'-tszy (2015) Traktat o voyennom iskusstve. Moscow, Popurri, 140 p. [in Rus].

27. Ulanov M.S. (2015) Religiozno-filosofskiy vzglyad buddizma na problemu voyny i mira. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, no. 4 (28), pp. 53—58 [in Rus].

28. Freyd Z. (Sentyabr' 1932) Neizbezhna li voyna? Pis'mo A. Eynshyteynu. Vena. Available at: <https://monocler.ru/neizbezhna-li-voyna/> [in Rus].

29. Fukuyama F. (2015) Konets istorii i posledniy chelovek. Moscow, AST. 576 p. [in Rus].

30. Richmond, Oliver. (2015) «The Dilemmas of a Hybrid Peace: Negative or Positive. Available at: <https://doi.org/10.1177/0010836714537053> [in Eng].

For citing: Lukin A.N., Khairulin Sh.Sh.
Philosophy of war: forming a modern discourse //
Socium i vlast'. 2022. № 3 (93). P. 25—36.
DOI: 10.22394/1996-0522-2022-3-25-36.
EDN WYLNEY.

UDC 331.101.38

EDN WYLNEY

DOI 10.22394/1996-0522-2022-3-25-36

PHILOSOPHY OF WAR: FORMING A MODERN DISCOURSE

Anatoly N. Lukin,

Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Associate Professor of the Department
of Public Administration, Legal Support of State
and Municipal Service,
Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: anlukin@mail.ru

Shamil Sh. Khairullin,

Military Training and Research Center
of the Air Force, "Air Force Academy
named after Professor N.E. Zhukovsky
and Yu.A. Gagarin",
Chelyabinsk Branch,
Head of the Department of Military-Political
Work in the Military forces,
Cand. Sc. (Education), Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia
E-mail: hairulin58@mail.ru

Abstract

Introduction. The armed conflict between Russia and Ukraine, which is fully supported by the so-called collective West, has brought the world to the brink of a global war. There has not been such a large-scale military confrontation in Europe since the Second World War. At the same time, it is not clear to what extent the escalation of the conflict is justified, where is the line beyond which none of the parties will not only be able to achieve military-political goals, but also catastrophic consequences will arise on a continental, and even global scale. It is not surprising that war as a social phenomenon has now moved to the epicenter of scientific interest in various disciplines — from narrow military experts to philosophers, who are expected to make assessments, forecasts, and recommendations for political elites and the entire world community.

The purpose of the study is to characterize the modern philosophical discourse about the war, to identify the main trends in its change.

Methods. Within the framework of the system approach, we consider war as a complex, multi-level, open system that is in deep interaction and mutual influence with the external environment (political, economic, social, ideological, scientific and technological, etc.). We use structural-functional analysis, as well as general scientific methods: abstraction, comparison, description and explanation.

Scientific novelty of the study. The authors give characteristic of the philosophical discourse of war, and consider its main variants.

Results. New means of armed violence, as well as methods and mechanisms for inflicting economic, political and psychological damage on the enemy, are making significant changes to the content of modern wars. In scientific and popular literature, the concepts of "information warfare", "psychological warfare", "new cold war", "proxy war", "and cyber war" are increasingly used. We have considered the correlation of their content with the content of the category "war", which is basic for the philosophical doctrine of war and the army. The philosophical discourse on war is undergoing inevitable changes. This is connected not only with the development of the categorical apparatus, but also with clarifying the boundaries of the discursive field — the expansion of areas for understanding the processes taking place in the military, military-political, military-economic, military-social and military-ideological areas.

Results. War as a social phenomenon still requires its philosophical understanding, primarily in connection with the changes that are taking place in the military and related fields. At the same time, the philosophical heritage in this area should not be discarded as overcome by a new discourse, but developed taking into account modern economic, political, technological and cultural realities. At the same time, it is not possible to form a universal philosophical discourse about the war. This would be contrary to the essence of philosophy as a sphere of free search for truth.

Keywords:

war,
armed conflict,
armed violence,
army,
philosophy of war